

УДК 378

НОВЫЙ ТРУД О СУДЬБЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СССР

(Рец. на кн.: Гришаев О. В. Политика партийных и государственных органов в области институциональной и научной организации исторического образования и изучения отечественной истории в 1917-м – середине 1940-х гг. в СССР / О. В. Гришаев. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 368 с.)

М. Д. Карпачёв

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 11 апреля 2021 г.

Аннотация: анализируется монография О. В. Гришаева, посвященная политике советской власти в области исторического образования и развития исторической науки. Убедительно с использованием обширной источниковой базы, архивных материалов показана трудная судьба исторического просвещения в советской средней и высшей школе, нелинейная траектория развития исторической науки в СССР вплоть до середины 40-х гг. XX в. Актуальность рецензируемой монографии обусловлена тем, что без осмысления и объективной оценки пройденного отечественной исторической наукой и историческим образованием тернистого пути невозможно определить научные достоинства и общественную значимость их современного состояния.

Ключевые слова: историческое образование, отечественная история, историческая наука, СССР, политика в области образования, историография.

Abstract: the monograph by O. V. Grishaev, devoted to the policy of the Soviet government in the field of historical education and the development of historical science, is analyzed. Convincingly, using an extensive source base, archival materials, the difficult fate of historical enlightenment in the Soviet secondary and higher education, the nonlinear trajectory of the development of historical science in the USSR up to the mid-40s of the twentieth century is shown. The relevance of the monograph under review is due to the fact that without comprehending and objectively assessing the thorny path traversed by Russian historical science and historical education, it is impossible to determine the scientific merits and social significance of their current state.

Key words: history education, national history, historical science, USSR, educational policy, historiography.

Издательский дом Воронежского государственного университета выпустил в свет крупную монографию заведующего кафедрой отечественной новейшей истории, историографии и документоведения О. В. Гришаева. Работа посвящена исследованию политики советской власти в области исторического образования, а также организации в СССР научных исследований по отечественной истории. Появление такого труда можно только приветствовать. Дело в том, что историческая наука, как и историческое образование, прошли в нашей стране через исключительно сложные испытания. Работы историков нередко подвергались принудительным деформациям, а сами ис-

следователи зачастую испытывали сильнейшее моральное и политическое давление со стороны властных структур. Порой, впрочем, за неудобные по каким-либо причинам научные исследования историки испытывали административные гонения и даже уголовные преследования. И все же в годы советской власти историческая наука жила, несмотря на возникавшие преграды, в целом плодотворно развивалась, а весьма стройное историческое образование выполняло свою основную миссию воспитания гражданственности у молодых поколений.

Выбор темы определил хронологические рамки исследования. Автор начинает свой труд с анализа преобразований, вызванных революцией 1917 г. и завершает его рассмотрением со-

стояния советской историографии в первые годы после окончания Великой Отечественной войны. Как полагает О. В. Гришаев, только после Великой победы завершилось формирование теоретических основ советской исторической науки, а с ними одновременно и системы исторического образования в средней и высшей школах. Выявить основные этапы в процессе становления советской исторической науки, оценить ее достижения и объяснить недостатки – такова поистине масштабная цель исследования О. В. Гришаева.

Помимо вышесказанного, актуальность и научная целесообразность появления такой монографии определяются тем непреложным обстоятельством, что установление советской власти сопровождалось беспрецедентным в истории явлением: пролетарская революция привела не только к слому старого государственного аппарата. И не только к радикальному преобразованию общественной жизни, включая «чистку» нового общества от враждебных советской власти классов и социальных групп. Революция, кроме этого, имела своей целью решительный отказ от старого мировоззрения и замену его на коммунистическое представление о жизни человеческого общества, о его прошлом, настоящем и будущем. Именно поэтому идеологи нового строя немедленно объявили все прежние исторические концепции устаревшими, а единственно научной трактовкой исторического прошлого признали марксистско-ленинскую, основанную на обязательном применении классового подхода ко всем явлениям, событиям и деятелям мировой и отечественной истории.

Публикацию обобщающего научного труда О. В. Гришаева можно признать вполне своевременной. Без объективной оценки пройденного отечественной исторической наукой и историческим образованием тернистого пути невозможно определить научные достоинства и общественную значимость их современного состояния. Между тем, нынешние исследователи и педагоги хорошо понимают, что достигнутый нашим обществом уровень исторических знаний нельзя признать благополучным. Общественное сознание в нашей стране продолжает терзаться сомнениями в оценках недавнего и даже весьма отдаленного прошлого, а многие затянувшиеся споры все еще страдают оценочной безысходностью. Вполне понятно, что главной причиной кризиса советской исторической науки стал распад Советского Союза, сопровождавшийся стремительным обесцениванием научных достоинств марксистско-ленинской идеологии в ее отечественном обрамлении. Этот вывод хорошо обоснован проведенным О. В. Гришаевым анализом.

Внушительно выглядит источниковая основа исследования. Автор основательно изучил обширные комплексы документальных материалов, всевозможных постановлений, распоряжений и приказов по вопросам гуманитарного образования в исследуемый период. Пришлось, конечно, учесть и наиболее заметные достижения отечественных историков. Но особую научную ценность представляют найденные и исследованные О. В. Гришаевым архивные материалы. А потрудиться ему пришлось немало. Особенно при изучении отложившихся в Государственном архиве Российской Федерации обширных фондов Народного комиссариата просвещения, Всесоюзного комитета по делам высшей школы, Института красной профессуры и других учреждений. Кроме того, ценные для своей работы сведения автор извлек из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (в том числе из личных фондов И. В. Сталина и А. А. Жданова), а также из фондов архива Российской академии наук.

Имеется в монографии и небольшой историографический обзор. В целом анализ работ предшественников автор ведет со знанием дела. Однако обзор этот слишком краток, позиции Ю. Н. Афанасьева, А. М. Дубровского, М. В. Зеленова и других ученых изложены очень сжато, без детального разбора достоинств и недостатков их аргументации. Кроме того, подбор современных исследователей темы далеко не полон. В отечественной научной периодике последних лет появилось немало содержательных исследований отечественных и зарубежных авторов о развитии советской историографии. Учет трудов В. П. Булдакова, А. А. Зимина, Л. В. Милова, И. Д. Ковальченко, Б. Н. Миронова, Р. Уортмана и других известных исследователей был бы весьма полезен для обоснования выводов самого автора.

Композиционное построение монографии надо признать вполне логичным. Книга состоит из постановочного введения, содержащего обоснование проблематики труда, девяти глав, построенных по проблемно-хронологическому принципу, заключения и традиционного библиографического списка использовавшейся или рекомендуемой литературы. Три первых главы автор посвятил оценке состояния исторической науки в первые послереволюционные годы, когда шел интенсивный демонтаж старых научных школ и когда конкретные исторические знания ни школьникам, ни студентам фактически не преподавались. Четыре последующие главы занимают центральное место в исследовании. В них автор последовательно и увлеченно повествует о коренном изменении в политике советского и партийного руководства в

области исторического просвещения. Убедительно раскрыты причины реабилитации позитивного исторического знания, охарактеризованы созданные в 1930-е гг. научные центры, оценено значение проведенных в те годы научных дискуссий и показано становление весьма стройной системы подготовки кадров историков-исследователей и педагогов. В завершающей исследовании восьмой главе автор дал краткую характеристику состояния советской исторической науки во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы.

Основные положения работы сомнений не вызывают. Действительно, в первые 15 лет советской власти происходило интенсивное разрушение старого исторического мышления. А для того, чтобы утвердилось новое, требовалось время. Вполне естественно поэтому, что в идеологических структурах советской власти поначалу возобладал нигилизм по отношению к конкретным историческим знаниям, полученным историками старых научных школ. История в советских школах в первые годы после окончания гражданской войны не преподавалась, а исторические факультеты в университетах были закрыты. Но историческая наука тем не менее жила. Приступая к анализу ее состояния, автор повествует о начале формирования унитарного подхода советской власти к проблемам организации гуманитарного образования в духе революционного марксистско-ленинского понимания общественной жизни. Уже в 1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук как высший научно-исследовательский центр марксистской науки. В ней было и социально-историческое отделение. В 1924 г. она была переименована в Коммунистическую академию. Содержательны сюжеты о создании в 1925 г. Всесоюзного общества историков-марксистов и о начале издания журнала «Историк-марксист», о появлении первых институтов истории в идеологических организациях того времени. Надо признать правоту О. В. Гришаева: даже в те годы у отечественных историков не было полного бесплодия; новые учреждения усиленно занялись внедрением единообразной пролетарской идеологии (с. 38 монографии). К сожалению, важный сюжет о разнообразной деятельности Российской ассоциации научных учреждений в области общественных наук (РАНИОН) изложен слишком сжато. Эта ассоциация сыграла в свое время видную роль в сохранении (пусть и в усеченном виде) традиций отечественной историографии.

Раздел, посвященный состоянию исторической науки в первые годы советской власти, несомненно, очень интересен. Автор рассказывает

о привлечении старых ученых к постановке архивного дела, об организации музеев и выставок, призванных обновить или оживить историческую память общества. Подробно изложен и вопрос о постановке исторических исследований в учреждениях Академии наук СССР, о начале исследований историков-коммунистов, о советизации гуманитарного образования в университетах. Как убедительно показано О. В. Гришаевым, после окончания гражданской войны шел непрерывный процесс создания новых научных учреждений, так или иначе проявлявших себя в области исторической науки. Возникли такие крупные центры, как Институт К. Маркса и Ф. Энгельса, Институт В. И. Ленина, Институт красной профессуры, а затем и внушительная сеть отделений Истпарта, или областных историко-просветительских учреждений, занимавшихся изучением истории революционного движения и классовой борьбы в регионах страны. Эти учреждения действительно сыграли большую роль в формировании советской исторической науки. Победившая партия усиленно заботилась об идеологическом обосновании закономерности своего прихода к власти. Но, как признает автор, на фоне подъема исследований по истории классовой борьбы наблюдалось снижение уровня исследований в области традиционной для дореволюционной историографии тематики, например, по истории внутренней политики самодержавия, дворянства, духовенства и других сюжетов (с. 78 монографии).

Центральное место в исследовании заняли четвертая и пятая главы, повествующие о перестройке исторического образования и исторической науки в СССР во второй половине 1930-х гг. Фактически речь идет о восстановлении исторического образования в средней и высшей школах, так как, по справедливому замечанию автора, до 1932 г. в школьных учебных программах гражданская история как предмет отсутствовала (с. 177 монографии). Усиленное насаждение идеологии классовой борьбы в ущерб объективному историческому знанию привело к большим издержкам в воспитании молодых поколений. Спустя 15 лет после прихода большевиков к власти выяснилось, что дефицит исторического образования обернулся снижением уровня идейного воспитания народа. Лидеры государства убедились, что без знания исторического прошлого широкие слои общества не могут ни жить, ни трудиться с высокой ответственностью за судьбу своей страны. Руководство правящей партии постепенно избавлялось от иллюзий о скором приходе мировой революции и все более энергично занималось практически задачами хозяйственного и культурного стро-

ительства в собственной стране. Вот тогда-то и стало ясно, что историческое беспамятство чревато утратой необходимых качеств добросовестного труженика.

В упомянутых главах О. В. Гришаев подробно характеризует процессы восстановления исторического просвещения в школах страны, анализирует меры по организации подготовки педагогических кадров. Жаль только, что при перечислении университетов, в которых планировалось открыть исторические факультеты, лишь вскользь упомянут Воронежский. Между тем, в числе первых восьми университетов, в которых по постановлению правительства и ЦК ВКП(б) следовало открыть исторические факультеты, был назван и Воронежский. А в 1939 г. во вновь принятом уставе Воронежского университета перечислялись и пять кафедр исторического факультета, существовавшие, впрочем, пока только на бумаге. Острый дефицит квалифицированных научно-педагогических кадров отсрочил это событие. Исторический факультет в ВГУ был открыт в 1940 г., хотя решение о его создании было принято четырьмя годами ранее.

Многие страницы центрального раздела книги читаются с неподдельным интересом. В частности, о том, как и почему был реализован новый подход к написанию учебников. Правильно отмечено позитивное значение поворота от вульгарных социологических схем к созданию учебников на основе конкретных исторических фактов, дат, имен в их хронологической последовательности. К работе по созданию учебников нового поколения были привлечены виднейшие специалисты: Б. Д. Греков, Н. Н. Ванаг, М. В. Нечкина и др. (с. 189 монографии). Как подчеркивает автор, возникал своего рода синтез традиций старой школы и нового марксистского подхода. Параллельно шло дозированное изживание концепций «национального нигилизма». Убедительно показано позитивное значение всесоюзных конкурсов при подготовке учебников. В результате, констатирует автор, в 1937 г. появился первый стабильный учебник для начальной школы (с. 201 монографии).

Очень интересен материал о создании учебных планов исторических факультетов, о подготовке преподавательских кадров, приступивших к восстановлению курсов отечественной и всеобщей истории как в средней, так и в высшей школах СССР. Резонно замечание О. В. Гришаева о том, что разрушить можно было быстро, процесс же восстановления оказался куда более сложным. Этот урок истории до сих пор в должной мере не освоен некоторыми «бумажными новаторами». Тем не менее, с середины 1930-х гг. тор-

жество марксистско-ленинской историографии стало безусловным и при этом в отечественных исторических исследованиях все более отчетливо зазвучала тема патриотизма. Автор совершенно прав, что этот идеологический сдвиг вполне соответствовал действительно крупным экономическим и культурным достижениям того бурного времени. Однако никак нельзя согласиться с его же утверждением, что с середины 1930-х гг. «идея интернационализма перестала быть актуальной» (с. 308 монографии). Теряла актуальность романтическая идея скорой мировой революции, но интернационализм никогда не терял своего места в идейном арсенале советских историков.

В целом верно показан характер дискуссий вокруг так называемой школы М. Н. Покровского. Справедливо отмечено, что советские историки в ходе тех споров начали освобождаться от абстрактно-социологических схем, базировавшихся на абсолютизации классового подхода ко всем без исключений событиям прошлого. Тогда же развернулся переход к конкретно-историческим исследованиям на основе изучения источников, главным образом архивных. Все это способствовало становлению позитивной исследовательской работы в области истории. Объективен анализ учебника А. В. Шестакова по истории для начальной школы, изданного в середине 1930-х гг. и ставшего своеобразным идейным ориентиром для последующего написания учебных книг подобного рода.

Актуален раздел о проходившей в 1930-е гг. борьбе против фальсификаций истории, в том числе против фашистских. Автор совершенно справедливо утверждает, что в советской историографии было много полезных и интересных достижений. Забывать этого, конечно, нельзя. Исследования М. В. Нечкиной о движении декабристов, Н. М. Дружинина о положении государственных крестьян, Е. В. Тарле об Отечественной войне 1812 г. и многих других корифеев советской историографии являлись действительно крупными научными свершениями. И таких было немало. Причем во всех областях и всеобщей, и отечественной историографии. О. В. Гришаев убедительно показал, что в те годы произошло определенное сближение историков-марксистов и историков дореволюционной школы (с. 247 монографии). На почве профессионализма, естественно. Выпукло освещается роль трудов Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, С. В. Юшкова и других прекрасных знатоков истории средневековья.

Однако во многих трудах абсолютизация классового подхода сопровождалась серьезной деформацией научного знания. Истина нередко приносилась в жертву идеологии. Например, всяко-

го зажиточного крестьянина марксисты-ленинцы непременно аттестовали кулаком, а к социально ценным категориям населения относились исключительно пролетарии и крестьяне-бедняки. Носителями же подлинного народолюбия считались только большевики. В рамках такой интерпретации полководец А. В. Суворов, например, долгое время вообще считался классово чуждым. А вся история народа от Киевской Руси до революции 1917 г. зачастую подносилась как процесс непрерывного усиления гнета со стороны эксплуататоров. Принцип историзма практически полностью игнорировался при оценке внутренней политики самодержавия, истории крепостного права, социальных отношений и многих других проблем.

Все это достаточно убедительно показано в книге. Но порой автор сам себе противоречит. Подводя итог исследованию, он резонно пишет, что «начало новому этапу в развитии отечественной исторической науки положили постановления партии и правительства по вопросам преподавания истории в середине 1930-х гг.». И даже поясняет, что именно тогда произошла перестройка всей системы исторического образования и исторической науки, утвердилась новая, т.е. марксистско-ленинская концепция (с. 313 монографии). Все это совершенно верно. Но при этом явно неточно сформулирован вывод о том, что в начале Великой Отечественной войны произошло свертывание научной работы историков. Сам же О. В. Гришаев справедливо констатирует, что научные силы советских историков с первых дней войны

сконцентрировались на абсолютно необходимой задаче воспитания соотечественников в духе патриотизма и уверенности в неизбежной победе над врагом. Кроме того, переместившиеся в ходе эвакуации ведущие ученые «активно включились в решение региональных проблем» и способствовали повышению уровня преподавания и научных исследований на местах. Между прочим, благотворное влияние находившихся в Елабуге ученых ленинградских научных центров испытали на себе историки и Воронежского университета. Именно в эвакуации им посчастливилось прослушать лекции С. И. Ковалева, П. П. Ефименко, других известных тогда в стране специалистов. Вот почему неубедительно выглядит стремление продлить процесс становления марксистско-ленинской методологии до конца Великой Отечественной войны. К тому времени решающие рубежи были взяты. И уж тем более первые послевоенные годы никак нельзя аттестовать как переходные.

Не избежал автор и ряда трафаретных или малосодержательных суждений. Например, как закливание звучит дежурная фраза о том, что сегодня «наше Отечество в очередной раз переживает коренную ломку уклада общественной жизни» (с. 6 монографии). О какой ломке говорит автор? По-видимому, эта фраза была написана лет тридцать тому назад и в книгу попала машинально.

Тем не менее труд О. В. Гришаева читается с большим интересом, он свежо написан и вполне качественно повествует о тернистом пути советской историографии, ее взлетах и проблемах.

*Воронежский государственный университет
Карпачёв М. Д. – доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории России*

*E-mail: m-karpach@mail.ru
Тел.: 8(473) 224-75-14*

*Voronezh State University
Karpachev M. D. – Dr. Habil. in Historical Sciences,
Head of the Russian History Department
E-mail: m-karpach@mail.ru
Tel.: 8(473) 224-75-14*